

Ариадна И. Кузнецова (Москва)

**Корреляция между деривационными
возможностями слов и их семантикой
(на материале васюганского диалекта хантыйского языка)**

Деривационные возможности слов в языках разных структурных типов различны и зависят от многих причин, среди которых существенную роль играют семантические причины. Считается, что слова, относящиеся к какой-либо одной лексико-семантической группе слов в том или ином языке, нередко образуют сходные словообразовательные гнезда, отличные от гнезд в других семантических полях. Для выяснения вопроса, имеется ли корреляция между деривационными возможностями слов и их семантикой, были исследованы три тематические группы слов в васюганском диалекте хантыйского языка – лексические поля «Флора», «Фауна» и «Части тела». Проверка гипотезы о существовании взаимосвязанности деривации и семантики слов затрудняется тем, что в теоретическом плане обе эти области языкознания в уральских языках вообще и обско-угорских, в частности, до сих пор остаются мало разработанными. Особенно это касается семантической сферы, которая обычно подменяется изучением состава лексики с точки зрения происхождения слов. Правда, при выяснении источника заимствования слов исследователи одновременно распределяют их по тематическим группам, благодаря чему постепенно внимание лингвистов начинает притягивать к себе и анализ значений слов. К настоящему времени накопилось уже немало конкретных сведений и по словообразованию, и по семантике хантыйского языка, в том числе, и по восточным хантыйским диалектам, что позволяет обратиться к теме, обозначенной в заглавии.

Уже в знаменитом тезаурусе П. С. Палласа (Pallas 1786–1789/1977–1978) наряду с пятью другими диалектами хантыйского языка под № 74 помещены хантыйские (остяцкие) слова «Васюганского роду» (всего здесь

перечислено 231 васюганское слово из 273 приведенных в словаре и скомпонованных по лексическим группам, четко не отделенным, впрочем, друг от друга). Среди множества тематических групп в словаре имеются названия частей человеческого тела (более 20), флоры (менее 10) и фауны (около 20). Васюганские слова даны внутри соответствующих заглавных слов наряду с другими 200 языками и диалектами.

Едва ли не первые сознательные попытки выделения лексико-семантических полей в хантыйском языке были предприняты почти 100 лет назад исследователем севера Сибири А. А. Дуниным-Горкавичем (1910 / 1998). Как писал сам автор в Предисловии к словарю, «очень возможно, что издаваемый словарь не лишен дефектов, объясняемых новизной дела; возможно, что в инородческие слова вкрались при записи ошибки. Но первая попытка во всякой области не лишена дефектов. Во всяком случае, “feci quod potui, faciant meliora”...». А. А. Дунин-Горкавич распределил собранные им слова хантыйского и ненецкого языков по 32 группам слов, связанным понятийно. В предисловии к словарю автор указывает, что им «для остяцкого словаря принято средне-сургутское, или ваховское наречие, а для самоедского – наречие низовых самоедов». Автор обратил также внимание на некоторые случаи словообразования (а именно: на наличие производных прилагательных, существительных и глаголов, реже – наречий) в группах слов, объединенных им не по понятийным, а по формальным признакам в части речи (напр., в группе глаголов помещены некоторые отглагольные существительные; в группе прилагательных даны наречия и существительные одного корня с прилагательным).

В 1990-е гг. составлением русско-хантыйского тематического словаря стали заниматься в учебных целях. С. П. Кононова собрала слова групп «1. Неживая природа. 2. Растительность. 3. Животные. 4. Птицы. 5. Рыбы, земноводные» (Кононова 1993). В данном пособии названия представителей животного мира распределены по разным подгруппам, напр., в разделе «Растительность» выделяются слова, обозначающие «Ягоды», «Цветы, травы», «Овощи, хлебные злаки», «Деревья, кустарники, грибы» и «Общие сведения о растениях». К сожалению, классы выделены не всегда правильно. Так, в группу «Рыбы, земноводные» помещены ящерица, змея и другие пресмыкающиеся. В. Н. Соловар составила небольшие словники на темы «Птицы», «Лес», куда вошли наименования ягод, деревьев, кустарников, насекомых (в последнюю подгруппу наряду с насекомыми были ошибочно

включены «червяк, змея, животные» (Соловар 1993). Хантыйская лексика (наряду с семантическим аспектом) внутренней формы слов

Что касается интерпретации языка, то он стал предметом работы В. В. Гудковой-Сенкевич «Хантыйский язык» (название в именном словообразовании) – полный анализ средств словообразования обдорского диалекта, включая суффиксов, характерных для этого диалекта с указанием их значения. В анализе автор включил также способы глагольного образования, скорее к грамматике, чем к словообразованию (аналогично хантыйского языка при

Используя накопленный материал, и словообразования, мы видим полную зависимость слова от контекста она проявляется. Для составления материала, собранный профессором М. К. Могутаева (1993)

Данный словарь – необычен во многих отношениях. Он составлен Маркелом Кондратьевичем – неполным средним образованием языка и составивший словарь Осиповой и Е. А. Сергеевой – хантыганского диалекта. Словарь гнездовой, содержащий от соответствующего диалекта, чеченские сведения о глаголах, наречиях и числительных

включены 'червяк, змея, лягушка, паук'), «Рыбы», «Домашние и дикие животные» (Соловар 1997). Наконец, появились первые работы, в которых хантыйская лексика (названия растений) интерпретировалась в формальном и семантическом аспектах в сравнении с русским языком и с учетом внутренней формы слов (Панченко 2000).

Что касается интереса к вопросам словообразования в хантыйском языке, то он стал проявляться с 1940-х гг., о чем свидетельствует работа В. В. Гудковой-Сенкевич «Образование имен от имен в северных диалектах хантыйского языка» (рукопись диссертации, 1948), книга Г. Зауэра об именованном словообразовании (Sauer 1967) и др. В последние годы наиболее полный анализ средств словообразования дан в работе И. А. Николаевой по обдорскому диалекту хантыйского языка. Здесь приводятся списки суффиксов, характерных для разных частей речи, и примеры на суффиксы с указанием их значений (Николаева 1995:53–77). В свой деривационный анализ автор включила также исследование суффиксов, оформляющих способы глагольного действия, хотя это имеет непосредственное отношение скорее к грамматике и ее категориям, чем непосредственно к словообразованию (аналогичное исследование глаголов усть-казымского диалекта хантыйского языка провела в 1965 г. Е. А. Нёмысова).

Используя накопившийся в последнее время материал в области лексики и словообразования, можно попытаться ответить на вопрос, существует ли полная зависимость словообразования от семантики слов и как конкретно она проявляется. Для ответа на поставленные вопросы был проанализирован материал, собранный по словарю васюганского диалекта хантыйского языка М. К. Могутаева (1996).

Данный словарь – удивительное явление в современной лексикографии. Он необычен во многих отношениях, в том числе – с точки зрения авторства. Маркел Кондратьевич Могутаев (из рода Мукатаевых) – самородок-хант с неполным средним образованием, в течение 20 лет собиравший слова родного языка и составивший (с помощью лингвистов из Томска А. А. Ким, О. А. Осиповой и Е. А. Сергеевой [Ким 1996]) весьма своеобразный словарь васюганского диалекта. Сам словарь можно охарактеризовать как алфавитно-гнездовой, содержащий в словарных статьях не только слова, производные от соответствующего корня, но и достаточно многочисленные грамматические сведения о заглавных словах: о существительных, местоимениях, глаголах, наречиях и числительных васюганского диалекта. На базе такого

словаря можно попытаться сделать первичное описание грамматики того говора, которым владеет М. К. Могутаев: дать именные и глагольные парадигмы, ориентируясь на переводы автора и показатели форм; установить чередования в основах при словообразовании и словоизменении; составить тематические словарики и построить словообразовательные гнезда. Наличие в словаре переводов слов и их значений, иногда расширенных толкований и даже комментариев этнографического характера, эпизодическое привлечение контекстов употребления слов позволяет одновременно говорить о словаре как о двуязычно-толковом. К сожалению, наибольшие трудности вызывает определение фонетико-фонологической системы говора. Относительно фонетической записи можно сказать, используя слова собирателя диалектных названий растений в Тобольской губернии Н. Л. Скалозубова, что в словаре дана «транскрипция инородческих названий... *вольная* (курсив мой – А. К.), со слуха» (Скалозубов 1913: 6). Первоначальный авторский алфавит, основанный на кириллице с добавлением латинских букв и диакритики, заметно отличался от алфавитов, принятых для ваховского (Терёшкин 1961; Терёшкин – Меркулова – Каткалёва 1999), шурышкарского (Скамейко – Сязи 1985; Лазарев – Аксарина – Сенгепов 1993), казымского (Молданова – Нёмысова – Ремезанова 1988; Нёмысова – Вениаминова 1992; Рандымова – Молданова 1994 и др.) диалектов, на которых опубликованы школьные учебники. При редактировании алфавит был несколько изменен (Могутаев 1996: 19) в целях унификации его для всех диалектов хантыйского языка, чего, впрочем, так и не удалось достичь. После такой переработки были добавлены отдельные буквы, специфичные для васюганского диалекта, и заменены некоторые буквы из числа предложенных автором на буквы, принятые в обще-хантыйском алфавите, утвержденном в конце 1990-х гг.¹ В конечном счете в транслитерации оказалось немало опечаток и / или явных ошибок. В общей сложности словарь включает 45 тыс. слов, из которых 12 тыс. – корневых (Ким 1996: 6).

В настоящей статье материалом для исследования послужили составленные на основе словаря Могутаева словообразовательные гнезда слов,

1 Споры об унификации алфавитов для разных хантыйских диалектов велись, напр., на VIII Финно-угорском конгрессе в Ювяскюля [Zaicz 1995: 130, 136–138]. В 1998 г. был утвержден обще-хантыйский алфавит, ориентированный на западные диалекты [История хантыйского алфавита 1998], хотя в учебной и другой литературе до сих пор используются алфавиты, отличающиеся в большей или меньшей степени друг от друга.

входящих в лексико-слова. В них вошли про- (пре- и производные от- (от- и композиты (всего около 100 сложных слов). Анализ с помощью наиболее ак-

Однокорневые производные

Суффиксы, образующие

Абсолютно во всех анализируемых пусками представлены существительные с суффиксами «-маха», *кәмләкяли* «клякля», *лаппали* «клопик»; *ивтэмади* «пескарик», со- основа сама является представлены в виде уменьшительная форма суффикс уменьшительной формы *кы төхтәм* «клещ» (бу- ет), но *төхтәм* «вошь» ('голое + крыло'), но л- редки и исключения, Н. И. Терёшкина оно д- мышь'), *мах ёңкрял* «ягода»), *нэхас морк* «ласкательное»; *сёй ул* «ничка». Деминутивны- вленными фонетическ- мере) являются очень- ничных словарных ста- значением уменьшите-

2 Здесь и далее все при- даже если они вызы- опечатки).

входящих в лексико-семантические поля фауны, флоры и названий частей тела. В них вошли производные от одного корня (простые, или однокорневые) и производные от нескольких (обычно двух) корней – так называемые композиты (всего около 230 простых наименований и почти столько же сложных слов). Анализу были подвергнуты производные, образованные с помощью наиболее активных и продуктивных суффиксов.

Однокорневые производные

Суффиксы, образующие производные слова во всех лексических группах.

Абсолютно во всех анализируемых тематических группах за редкими пропусками представлены уменьшительные (или уменьшительно-ласкательные) **существительные** с суффиксом *-али* (*-ӓли/-яли/-ли*) и *-и*: *кӓмлӓк*² «росомаха», *кӓмлӓкяли* «маленькая (по размеру) росомаха»; *лаппа* «клоп», *лаппали* «клопик»; *ӓвта* «связь», *ӓвтали* «связь, уменьш.»; *ӓмал* «пескарь», *ӓмали* «пескарик», *сосал* «ящерица», *сосали* «ящерка». Если производящая основа сама является сложной (в словаре Могутаева все сложные слова представлены в виде словосочетаний; подробнее см. об этом ниже), то уменьшительная форма от нее часто не дается, хотя при второй основе суффикс уменьшительности в соответствующем месте словаря имеется: *нялқы тӓхтӓм* «клец» (букв. 'пихта + вошь'; уменьшительная форма отсутствует), но *тӓхтӓм* «вошь», *~яли* «вошка»; *нюр пайлаң* «летучая мышь» (букв. 'голое + крыло'), но *пайлаң* «крыло», *~али* «крылышко» и т. п. Однако нередки и исключения, как, напр., сочетание *мах ӓңкяр* «крот» (в словаре Н. И. Терёшкина оно дается как сложное слово *маулӓңкӓр*; букв. 'бобр + мышь'), *мах ӓңкряли* «кротик»; *нӓхас морак* «малина» (букв. 'соболь + ягода'), *нӓхас морқали* «малинка» (значение суффикса уменьшительно-ласкательное); *сӓй ул* «черника» (букв. 'уголь + ягода'), *сӓй улали* «черничка». Деминутивный суффикс *-али* со всеми его вариантами, обусловленными фонетической системой языка, и суффикс *-и* (правда, в меньшей мере) являются очень продуктивными. Они отсутствуют буквально в единичных словарных статьях исследуемых тематических групп. Суффикс со значением уменьшительности оформляет и заимствования, непосредствен-

2 Здесь и далее все примеры даются в том виде, как они встречаются у М. К. Могутаева, даже если они вызывают сомнения как ошибочные (исправляются только явные опечатки).

но пришедшие из русского языка (или проникшие в хантыйский через посредство русского из тюркских языков, о чем писал в свое время Г. Зауэр (Sauer 1993)), напр., *кёшкя*, ~*ли* «кошка, кошечка», *порос*, ~*али* «свинья, свинка» (не поросенок!); *ёхёрся*, ~*ли* «огурец, огурчик».

Суффикс **-али** можно считать многозначным. В группе наименований птиц и животных суффикс **-али** помимо указанных 1) уменьшительного и 2) ласкательного значений, близких между собой, служит 3) обозначением детенышей: *лонт* «гусь», *лонтали* «гусенок»; *кёряк* «орел», *кёркяли* «орленок»; *қотаң* «лебедь», *қотңали* «лебеденок»; *қолақ* «ворон», *қолқали* «вороненок»; *мах* «бобр», *махали* «бобренок»; *қолыв* «выдра», *қолывали* «выдренок»; *лăңки* «белка», *лăңкяли* «бельчонок». Этот же суффикс может, как и в исконных словах, использоваться для обозначения детенышей в заимствованиях (*рыс*, *рысали* «рысь, рысенок»). Наряду с суффиксом **-али** для называния детенышей часто используется в виде компонента сложного слова существительное *моқ*, присоединяемое обычно к наименованиям животных: *тёхяр* «заяц», *тёхяр моқ* «зайчонок», а *тёхряли* «зайчик»; *лох* «конь», *лох моқ* «жеребенок»; *мес* «скот», *мес моқ* «теленок»; *ăмп* «собака», *ăмп моқат* «собачата (sic!), щенята»; *тақты* «кулик», ~*моқ* «куличенок» (ср. *тақтали* «куличок»). В словаре М. К. Могутаева названия детенышей, образуемые с помощью слова *моқ*, даны в виде сочетаний слов, как, впрочем, и все другие сложные образования, в то время как в словарях ваховского диалекта Н. И. Терёшкина (Терёшкин 1961, 1997, 1981) они могут быть представлены как сложное слово с полу-десемантизированным вторым компонентом, называемым в некоторых лингвистических традициях суффиксоидом (*лоумоқ* «жеребенок», *мэсмоқ* «теленок», но одновременно *воқы моқ* «лисенок» [Терёшкин – Сподина 1997]). Кроме того, в словаре Н. И. Терёшкина встречаются слова, в которых десемантизированное слово *моқ* «детеныш» выполняет функцию суффикса со значением уменьшительности: *оң-қәумоқ* «сосенка» (Терёшкин 1981, 1997). В васюганском диалекте таких случаев нет, судя по словарю М. К. Могутаева. Иногда детеныши животных имеют специфичное название; напр., наряду с производным *ихали* «медвежонок» (от *их* «медведь») дается другое его наименование – *тыты* (по свидетельству Н. И. Терёшкина, в ваховском диалекте *чычыым* – годовалый медвежонок); олененок – это *петақ* и *велăли* (от *велі* «олень»); лосенок – *няв*, от которого, в свою очередь, может быть образована уменьшительно-ласкательная форма *нявяли* «лосёночек».

Прилагатель

(-аң/-иң/-ың/-яң

всегда в тех же гне

ляется продуктивн

дорском диалекте

лагательные на -д

тельных со значен

«имеющий что-то»

чающее «признак п

паңк, «мухомор»,

реза», ~ăли «березк

пива», ~аң «крапив

чему-либо» и «имен

гое зависит от сочет

~аң «черемушный,

черемухой»; ср.: лұ

черемухой»; аналог

Нередко суффикс -а

Могутаевым как «

отсутствии контекст

татива **-на**: *лохаң* (

переводится «с коне

не обладание чем-то

Следует отметить, ч

или инструменталист

«в лице»; *нёл* «нос»,

межутке»), но однов

Неоднозначность фун

исключить возможн

инструменталист-ком

тически допускал П.

финно-угроведов Г. Э

тель абессива *-лау* (в

вообразовательным с

можно списать на нет

сутствии контекста, н

Прилагательные с суффиксом *-ң* и предшествующими ему гласными (*-аң/-иң/-ың/-яң*) встречаются в рассматриваемых группах лексики почти всегда в тех же гнездах, что и деминутивные суффиксы. Суффикс тоже является продуктивным и употребляется не только в васюганском, но и в обдорском диалекте (Николаева 1995: 54, 58). В словаре М. К. Могутаева прилагательные на *-ң* переводятся двойко – то как субстантиваторы прилагательных со значением наличия, совместности, обладания («с чем-то» или «имеющий что-то»), то как обычное относительное прилагательное, обозначающее «признак по отношению к данному объекту» (Николаева 1995: 59): *паңк*, «мухомор», *~али* «мухоморчик», *~аң* «с мухомором», но *сѣхмит* «береза», *~ăли* «березка», *~ăң* «березовый, относящийся к березе»; *-полан* «крапива», *~аң* «крапивный». Провести грань между значением «относящийся к чему-либо» и «имеющий что-то, с чем-то» порою бывает очень трудно, многое зависит от сочетаемости слов, напр., *ём* «черемуха», *~али* «черемушка», *~аң* «черемушный, черемуховый (напр., ствол)», но *ёмăң нянь* «пирог с черемухой»; ср.: *лўс* «толченая черемуха», *~яң нянь* «пирог с толченой черемухой»; аналогичный пример: *кулаң нянь* «рыбный пирог, рыбник». Нередко суффикс *-аң*, означающий наличие чего-либо и переводимый М. К. Могутаевым как «с чем-то, имеющий что-то», на первый взгляд (при отсутствии контекста) кажется синонимичным падежному показателю комитатива *-на*: *лохаң* (от *лох* «конь») «с конем, имеющий коня», *лохна* тоже переводится «с конем», однако последняя форма означает совместность, а не обладание чем-то (ср.: *ернăс* «рубаша», *ернăсяң* и *ернăсна* «с рубашкой»). Следует отметить, что показатель *-на* чаще соответствует не комитативу или инструменталису, а локативу или даже лативу: *вянăм* «лицо», *вянăмнă* «в лице»; *нёл* «нос», *нёлна* «в носу» (ср.: *кёт* «промежуток», *кётнă* «в промежутке»), но одновременно *кёт* «рука», *кётăң* «с рукой», *кётнă* «рукой». Неоднозначность функции суффикса *-(а)ң* свидетельствует о том, что нельзя исключить возможности превращения его в падежную морфему, напр., в инструменталис-комитатив. Подобные явления в хантыйском языке теоретически допускал П. Хайду (Хайду 1985: 48). Вопреки мнению некоторых финно-угроведов Г. Зауэр относил в ваховском диалекте падежный показатель абессива *-lăу* (васюганский *-лах*: *сем-лах* «без глаз») к именным словообразовательным суффиксам (Sauer 1965: 16–19). Естественно, что многое можно списать на неточности перевода, которые дает автор словаря при отсутствии контекста, но одновременно видно, что в ряде случаев встречаются

пересечения значений суффиксов и падежных окончаний, как в только что приведенных примерах с существительными *ём, ернӓс, вянӓм, кёт* и др.

Иногда, судя по переводу слов с суффиксом *-аң*, можно говорить о появлении еще одного нового коннотативного оттенка значения (усиления качества чего-либо) у производного слова, как в словах *тур* «горло», *~аң* «горластый», то есть «крикливый, с большим горлом»; *выни* «лоб», *~яң* «лобастый» (имеющий большой лоб); *ёлаң* «щека», *~аң* «имеющий большие щеки»; *ван* «плечо», *ванаң* «плечистый», *кулям* «бровь», *кульмаң* «бровастый» и т.п.

Как уже говорилось, суффиксы уменьшительности и наличия, обладания встречаются (за редкими исключениями) у всех слов трех исследуемых лексико-семантических полей. Однако другие значения суффикса *-али* (значение «детеныш животного, птицы») и суффикса *-аң* (значение усиления качества) характерны лишь для части подгрупп поля «Фауны» и «Частей тела» соответственно. Помимо них имеются и специфичные суффиксы в отдельно взятых лексических группах и их подгруппах (разбиение на подгруппы не является строго научным).

Суффиксы, специфичные для отдельных лексических групп слов.

В семантическом поле «Флора» для групп слов, означающих ягоды, кустарники, деревья, активными с современной точки зрения являются суффиксы *-алса* (с вариантами *-ялсӓ, -ӓлсӓ*) и *-са* (*-ся*) (возможно, это усечение *-алса*), имеющие значение **собирательности**: *улалса* «ягодник» (ср. также сложное слово *сёй улалса* «черничник»), *полналса* «крапивник» (от *полан* «крапива»), *памался* «травник»³, *қомлақалса* «хмельник»; *моралса* «кустарник» (от *моры* «куст»), *сёхмитӓлсӓ* («березняк»), *паялса* «осинник» (от *пай* «осина»); *ӓңтӓх* «шиповник», *ӓңқялсӓ* «заросли шиповника». В других диалектах четко прослеживается двухсловное название данного кустарника, включающее в свой состав компонент-определитель *юх* со значением «де-

3 Автор словаря часто пользуется в объяснениях слов диалектизмами из русских северных говоров Сибири, к каковым относится и собирательное существительное *травник*. В данном слове, как и в некоторых других, налицо нарушение сингармонизма, возможно, по вине автора. Диалектные слова, используемые в дефинициях, иногда требовали разъяснения со стороны редакторов (пояснения давались в квадратных скобках): *пагы* «чебак», *пагың уры* «чебачий чвор» [озеро с истоком, старица]; *тўңӓң қор* «болото с рямовым сосняком вокруг» (*тўң* «рям с сосняком» [рям – вид мха]; *ей* «гайло [жилище] белки»; *тағ* «касатый [утка-касатка]» и т.п.

рево» (DEWOS; Панч
-ӓх. Для ваховского д
чением собирательно
сосняка» (в словаре
но в васюганском диа
(улкул «голубика»).

ник»), *пячӓрся* «ряби

Спецификой слов
является **отыменное**
ковать (охотиться на
запасы» характерны и
в котором с помощью
можно образовать гла
вого зверя, птицы, от
васюганском диалекте
это далеко не так ле
словообразовании, гд
ного действия и разли
почти нет образовани
ными являются такж
ных; напр., от слова в
Среди звукоподражат
передают звучание: л
«покуковать» и др.
глаголов от **названи**
тельного *юх* «дерев
лесом», *юхынтанта*
«рябина» – глаголы *л*
данный глагол в фор
пячӓряхвяхтӓнтӓ «п
глаголы со значением
различных способов
паңқлақатанта) и не

Встречаются денс
«замечать» (от *сем* «г
«нога»), *кёрё ялілтӓ*

рево» (DEWOS; Панченко 2000: 137), вместо которого у Могутаева значится *-ӕх*. Для ваховского диалекта Н. И. Терёшкин упоминает суффикс *-са* со значением собирательности как единичный в слове *тоуэрс* «заросль молодого сосняка» (в словаре Могутаева *тохарса* означает «заросли, мелколесье»), но в васюганском диалекте суффикс более активен: *улкулса* «голубичник» (*улкул* «голубика»), *кяльвялься* «сплошной багульник» (*кяльвяль* «багульник»), *пячӕрся* «рябинник» (*пячӕр* «рябина»).

Спецификой словообразования в лексико-семантическом поле «Фауна» является отыменное образование глаголов: *вясӕк* «утка», *вяскинтӕ* «утокать (охотиться на уток)». Глаголы со значением «промышлять, готовить запасы» характерны и для других уральских языков, напр., для селькупского, в котором с помощью деноминального суффикса *-ӕ-* в тазовском диалекте можно образовать глагол от наименования практически любого промыслового зверя, птицы, от названия запаасаемых ягод и т. п. (Очерки 1980: 345). В васюганском диалекте хантыйского языка, судя по словарю М. К. Могутаева, это далеко не так легко сделать (ср. аналогичную ситуацию в обдорском словообразовании, где при наличии множества различных способов глагольного действия и различных залоговых образований (Николаева 1995: 62–68) почти нет образования глаголов с новыми значениями (ibid. 68–71). Единичными являются также глаголы от некоторых других наименований животных; напр., от слова *ковты* «мерин» происходит *ковтытата* «выхолостить». Среди звукоподражательных слов в подгруппе «Птицы» отыменные глаголы передают звучание: *кӕхи* «кукушка», *кӕхинтӕ* «куковать», *кӕхивяхтӕнтӕ* «покуковать» и др. способы глагольного действия. Случаи образования глаголов от названий растений сравнительно редки. Так, от существительного *юх* «дерево» образованы глаголы *юхтанта* «одеревенеть, зарастить лесом», *юхынтанта* «заготовливать дрова»; от существительного *пячӕр* «рябина» – глаголы *пячӕрхтӕ* «искриться» (в применении к рябчику (*пяӕк*) данный глагол в форме *пячӕрхвял* означает «(рябчик) издает звуки»), *пячӕрхвяхтӕнтӕ* «поискриться»; от названия мухомора *паӕк* известны глаголы со значением «шаманить после употребления мухомора» в формах различных способов глагольного действия (*паӕқалта*, *паӕқалвахтанта*, *паӕқлақатанта*) и некоторые другие.

Встречаются деноминальные глаголы и в поле «Части тела»: *семтӕнтӕ* «замечать» (от *сем* «глаз»), *кӕрминтӕнтӕ* «шагать» (от *кӕрем* «шаг» < *кӕр* «нога»), *кӕрӕ ялӕлтӕ* «пешком ходить» и др.

Суффиксоиды (слова с выветрившимся лексическим значением).

Среди слов всех исследуемых групп есть не только однословные, но и двух-словные (изредка и трехсловные) названия, включающие в себя компоненты с обобщающими значениями пола, единичности предмета, места нахождения, детеныша (о чем речь шла раньше) и т.п. Постепенно такие компоненты-определители с указанными значениями перестают восприниматься как самостоятельные слова и начинают выполнять функцию суффикса.

В поле фитонимов в подгруппе слов со значением ягод встречаются сингулятивы, типичным показателем которых является существительное *сем* «глаз», утрачивающее свое лексическое значение и выполняющее функцию суффикса со значением единичности: *пяңсем* «клюквинка» (от *пяң* «клюква»). Аналогичный пример в тексте встречается у Н. И. Терёшкина для ваховского диалекта: *улсэм* «ягодка» (Терёшкин 1961: 57); ср.: *порчасем* «горошина» (*порча* «горох»). Функцию сингулятива изредка берет на себя суффикс уменьшительности *-али*: *ярма* «крупа», *ярмали* «крупинка»; ср. пример из группы слов, имеющих предметное значение: *кёх сем* «бисер», а *кёх семяли* «бисеринка».

В семантической микросистеме животных и птиц в уральских языках далеко не всегда отражаются реальные половые различия домашних и диких животных, что связано с отсутствием в этих языках грамматического рода. Языковое выражение экстралингвистического понятия пола при помощи нечастой гетеронимии (*велі* «олень» – *новтақ* «самка оленя»; *куй әмп* «кобель» – *ыльқы* «сука») распространилось на сравнительно ограниченное число наименований птиц и животных, пол которых представляет определенный интерес для говорящего. Когда же речь идет о несущественных для носителя языка представителях фауны, то пол животного обычно игнорируется или передается с помощью добавления слов со значением «самец» (реже «самка»), превращающихся в этих случаях в десемантизированные слова – суффиксоиды. Функцию суффиксоидов выполняют существительные *ку* «мужчина; самец» и *ні* «женщина», первое из которых широко используется для передачи пола животного или птицы в соответствующих подгруппах лексического поля «Фауна»: *лох* «конь», *ниң лох* «кобыла»; *әмп* «собака», *куй әмп* «кобель» (ср. *ыльқы* «сука»); *нёх* «лось», *куй нёх* «самец лося»; *этәрки* «тетерев», *куй этәрки* «косач (самец)». Показатель пола животного или птицы (существительные *ку* и *ні* с выветрившимся значением) обычно употребляется перед существительным, хотя возможна его постпозиция, если

название дается опи
или зверя не сущес
известны ему, в кач
существительное со зн
встретить описател
«стрекоза» (букв. 'к

Среди производ
существительное ох
можно трактовать дв
ной мере и к челове
на') значение суфф
ющего лица. В самом
тела, но от слов со з
agentis. Точно так же
хозяин» (букв. 'голов
действующего лица (

В лексических
мощью суффиксоид
ответствующего жив
+мясо'), *ат нёхы* «б
(букв. 'скот+мясо');

Существительно
сем, ку, ні и *нёхы*
подгруппах поля фау
животных (млекопит
обретает значение с
тахы «гусиное место
тахы «стрижиное ме
«лосяное место», *вел*
рода характерны и дл
с мелким березняком
место» и т.п. Соедине
приобретают значени
ложения может служ
мялсәң, тахы в значе

название дается описательно: *ерястă ку* «трещащая птичка». Если пол птицы или зверя не существенен для говорящего и само животное или птица не известны ему, в качестве немаркированного показателя всегда берется существительное со значением мужского пола *ку*. В единичных случаях можно встретить описательное наименование насекомого, как *кёйки пулта ку* «стрекоза» (букв. 'комар+глотать / глотающий+самец').

Среди производных от названий частей тела в словаре встречается существительное *ох ку* «вожак» (букв. 'голова+мужчина / самец'), которое можно трактовать двояко, относя как к животному (вожак стада), так в равной мере и к человеку. Зато в слове *ван ку* «друг» (букв. 'плечо+мужчина') значение суффиксоида определяется однозначно как показатель действующего лица. В самом поле нет слов с суффиксоидом *ку*, означающих части тела, но от слов со значением «части тела» могут образовываться *nomina agentis*. Точно так же в селькупском языке в словах типа *oludir* «начальник, хозяин» (букв. 'голова+человек') *-dir* всегда выполняет функцию суффикса действующего лица (Очерки 1980: 338–339).

В лексических подгруппах поля «Фауна» достаточно регулярно с помощью суффиксоида *нёхы* образуются слова со значением «мясо соответствующего животного или птицы»: *нёх нёхы* «лосятина» (букв. 'лось+мясо'), *ат нёхы* «баранина» (букв. 'овца+мясо'); *мес нёхы* «говядина» (букв. 'скот+мясо'); *вясăк нёхы* «утятина» (букв. 'утка+мясо').

Существительное *тахы* «место» в меньшей мере, чем существительные *сем*, *ку*, *ни* и *нёхы*, утрачивает свое лексическое значение, соединяясь в подгруппах поля фауны с прилагательными на *-аң* от наименований птиц, животных (млекопитающих), изредка насекомых. Но и оно постепенно приобретает значение собирательности, превращаясь в суффиксоид: *лонтаң тахы* «гусиное место» (то есть место, где скапливается много гусей), *дипяң тахы* «стрижиное место», *кёйки тахы* «комариное место», *нёхаң тахы* «лосяное место», *велің тахы* «оленье место» и др. Образования подобного рода характерны и для поля флоры. Так, встречаются *вирсяң тахы* «место с мелким березняком» (*виряс* «мелкий березняк»), *ахсалаң тахы* «грибное место» и т. п. Соединения формы на *-ң* с существительным *тахы* постепенно приобретают значение собирательности. Доказательством такого предположения может служить параллельное употребление слова *кёмьялся* и *кёмьялсяң тахы* в значении «кумдюмник: кедровый остров в болоте».

Регулярность образования существительных со значением флоры, фауны и (в меньшей мере) частей тела при помощи слов, утрачивающих свое значение и превращающихся в суффиксы, позволяет отнести (до какой-то степени условно) подобный тип производных к однокорневым словам, хотя первично это были, разумеется, композиты (о них см. далее).

Для группы слов со значением «Части тела» большая часть перечисленных средств словообразования не типична (за исключением, как уже указывалось, суффиксов уменьшительности и суффикса прилагательного со значением обладания, наличия чего-то или со значением признака объекта, к которому относится данное существительное), зато именно для этой группы в высшей степени характерны композиты, реже встречающиеся (а в отдельных случаях никогда не встречающиеся) среди других исследуемых лексико-семантических групп слов.

Сложные слова (композиты)

О разграничении сложных слов и словосочетаний лингвисты давно ведут бесконечные споры, выделяют многочисленные признаки, позволяющие различать слова и их сочетания, но так и не приходят к взаимопониманию. В данной работе я руководствовалась принципами, сформулированными в (Очерки 1980: 36–44). Между тем, несмотря на множество теоретических расхождений во взглядах языковедов на данный вопрос, в современном языкознании до сих пор традиционная индийская классификация, в которой выделяются типы словосложения, имеющие многочисленные параллели во всех индоевропейских языках, оказывает заметное воздействие на решение вопроса о разграничении слов, производных от одного корня, сложных слов, включающих в свой состав два и более корней, и словосочетаний и в уральских языках. Это типы *tatpuruṣa*, *karmadhāraya*, *bahuvrīhi*, *dvigu* и *dvandva*. Последний из них (сложившийся, видимо, в период индоиранской языковой общности) представляет собой своеобразное явление в сфере словообразования как иранских, так и многих уральских языков (тип *avyauṣbhāva*, наоборот, обычно считается явлением специфически индийским (Барроу 1976: 197) и здесь не рассматривается). Попытка рассмотрения сложных слов хантыйского языка сквозь призму древнеиндийских классов композит позволяет (дополнительно к разрешению поставленной задачи) установить

некоторое типологическое сходство и словосложения, в частности

Тип *dvandva* (буквально «два») в некоторых языках, особенно в индоиранских. В древнеиндийских текстах встречается не только с формами существительных, но и с глаголами, например между морфологическими классами уральских языков выделяемых внутри *dvandva*, обозначающих названия рек и стран и др. (Кочетков 1976: 100). В угорских языках, в частности новидности *dvandva* (например *ḥāḥā* «зафиксировано незнакомо», *ḥāḥā* «барахты, такой-сякой», *ḥāḥā* «прилагательных»). В словарях *ḥāḥā* «езде-всюду» и т. п. Слова такого типа являются образительными. Слова, представляющие собой попарные сочетания, выводятся новое и т. п. ва, существуют считая «такой-сякой»; *ḥāḥā* «такой-сякой» (такой-сякой»). Тем не менее, особенно – в мансийском языке разговорной речи, формируются. Если типы сложных слов в индоиранском языке, судя по словарям, встречаются в виде слов, хотя *karmadhāraya* по-прежнему встречается. Древнеиндийские соположения двух существительных, в которых попарно уже приводились примеры, вторая основа утрачивается.

некоторое типологическое сходство и различие в области деривации вообще и словосложения, в частности, в языках генетически и структурно далеких.

Тип *dvandva* (букв. 'два и два') подразделялся на четыре подтипа, из которых речь пойдет лишь о двух, широко распространенных в уральских языках, особенно в языках пермской группы, в меньшей степени – волжской. В древнеиндийских грамматиках рассмотрение существительных проводилось не только с формальной, но и со смысловой точки зрения (о корреляции между морфологическими признаками и семантикой парных слов в некоторых уральских языках см. [Shibasova 2000:106]). Среди множества групп, выделяемых внутри *dvandva*, Панини указывал на существование групп *dvandva*, обозначающих очень маленьких животных или содержащих названия рек и стран и др. (Кочергина 1990:142). Сложные слова данного типа есть и в угорских языках, включая обско-угорские. В хантыйском языке слов разновидности *dvandva* (в уралистике их называют обычно парными словами) зафиксировано незначительное количество, а слова типа русских *с бухты-баряхты, такой-сякой* встречаются достаточно часто среди наречий и прилагательных. В словаре Могутаева это *тары-пары* «всякая всячина», *тарах-парахна* «езде-всюду», *тахла-тӕхлӕ* «туда-сюда», *чӕти-таты* «так-сяк» и т. п. Слова такого типа с сочинительной связью могут быть названы звукоизобразительными. Слов же незвукоизобразительного происхождения, представляющих собой подкласс парных слов, в которых из значений компонентов выводится новое или несколько измененное целое значение парного слова, существуют считанные единицы (напр., *чаӕах-самлях* «прозрачно-чистый»; *юӕкы-мӕӕкы тахы* «чертово место», букв. *юӕк* 'черт, дух' + *мӕӕк* 'гад'). Тем не менее, спаривание слов в сложное слово – живой процесс (особенно – в мансийском языке); хотя в словарях парные слова, возникающие в разговорной речи, фиксируются пока редко.

Если типы сложных слов *dvandva* и *dvigu* – явление редкое в хантыйском языке, судя по словарям, то три остальных из перечисленных типов сложных слов встречаются в васюганском диалекте хантыйского языка очень часто, хотя *karmadhāraya* по сравнению с *tatpuruṣa* и *bahuvrīhi* – реже.

Древнеиндийские существительные *tatpuruṣa* образованы по принципу соположения двух существительных в Nom., что типично и для уральских языков, в которых помимо Nom.+Nom. может быть и Gen.+Nom. В статье уже приводились примеры на слияние двух основ в одно слово, при котором вторая основа утрачивала свое лексическое значение, превращаясь в суф-

фикс со значением уменьшительности или названия детенышей, а также со значениями единичности предмета, полового различия или наименования мяса определенного животного. Если не происходило десемантизации второго компонента, ведущей к превращению сложного слова в производное с одним корнем, то возникали сложные существительные с подчинительной связью типа *tatpuruṣa*, которые есть во всех трех анализируемых группах слов; соединение двух имен существительных в уральских языках часто служит синтаксическим способом выражения атрибутивности. Отношения между двумя членами можно передать по-русски несколькими разными способами, но чаще всего – родительным падежом: *кёй морақ* «морозка» (букв. 'болото+ягода', что должно быть истолковано как болотная ягода или ягода болота, т.е. на болоте растущая), *мях морақ* «земляника» (букв. 'земля + ягода'), *кяр саварқы* «жаба» (букв. 'кора + лягушка'; ср.: *саварқы қам* «раковина», букв. 'лягушка + гроб'), *нёл пюлт* «ноздри» (букв. 'нос + дыра'), *ван лох* «ключица» (букв. 'плечо + кость'). В словаре Могутаева слово *лох* «кость» омонимично существительному *лох* «конь»; между тем в словаре П. С. Палласа для васюганского диалекта зафиксировано два разных слова: *лухъ* «кость» и *логъ* «конь» (Pallas 1977: 136; 1978: 67). Точно так же в сургутском словаре А. А. Дунина-Горкавича «кость» – *лухъ*, а «лошадь» – *лохъ* (Дунин-Горкавич 1998: 9, 23). В ваховском диалекте эти слова также не омонимичны: *лөу* «кость» и *лоу₁* «лошадь, конь», омонимичное, в свою очередь, *лоу₂* «круг, кольцо» (Терёшкин – Сподина 1997: 79, 72). По свидетельству В. Штейница (DEWOS), слова со значением «кость» и «лошадь» – разного происхождения: **лйw* и **лdw* соответственно. Приведенный пример со словом *лох* (*ван лох*) может иметь двойную интерпретацию: либо произошло изменение в произношении слов, либо в словаре Могутаева дана некачественная их запись.

Композиты типа *tatpuruṣa*, формальная подача которых может быть различной (в одно слово, через тире и как сочетание слов), иногда состоят более чем из двух компонентов. Таково, напр., наименование вереска в васюганском диалекте *дöқ лэвяс юх* (букв. 'глухарь+(хвоя+дерево)'), брусничника *вяртä ул юх* (букв. '(красная+ягода)+ дерево'), где тип *tatpuruṣa* возник на базе *karmadhāraya*.

Сам тип *karmadhāraya* считается разновидностью типа *tatpuruṣa* (Барроу 1976: 197). Композиты обоих типов функционируют как существительные. Класс *karmadhāraya* представлен соединениями двух типов: 1) прилагатель-

ное + существительное
тором два члена нахо
тельной связью. Перв
но среди сложных сл
на него не очень мно
ул-аң яхаш «бруснич
(букв. *вяль* «прут»+
ср. *нäхи вах* «серебр
'белая земля'). Прим
как, напр., название
ики «май»; букв. '(гус
(в том числе, в соотн

Наиболее распро
новосложения в васю
tatpuruṣa и *karmadhā*
сложные слова *bahuv*
функционируют как
следний член таких сл
принимает форму при
-ав/ -яв/ -äв после со
сочетаний из словаря
«босоногий», *рывсах*
кёряв нёл «орлиный н
или 'орлоносый'⁴) дае
бутивного сочетания пр
bahuvñhi. При этом ко
существительного, либо
возможностей необход
которых в моем распо
роко распространены
и птиц) на основе *каг*
«большеносый (~голо

4 В классической работ
встретить слова, состо
денные в переводе), к
мир течет 'душевонд
этом его берегу лежи

ное + существительное или 2) существительное + существительное, в котором два члена находятся в отношении приложения и обладают сочинительной связью. Первый из названных подтипов встречается в диалекте чаще, но среди сложных слов в проанализированных группах лексики примеров на него не очень много: *вяртӓ ул* «брусника» (букв. ‘красная ягода’); *вяртӓ ул-аң яхаш* «брусничный бор» (или «бор с брусникой?»); *вяляң юх* «веник» (букв. *вяль* «прут»+*юх* «дерево», ‘прутовое [перевод Могутаева] дерево’); ср. *нӓхи вах* «серебро», букв. ‘белый+железо’, *нӓхи мях* «глина» (букв. ‘белая земля’). Примеры на второй подтип единичны, не всегда бесспорны, как, напр., название месяца с первой частью – приложением (*лонт-вясяк ики* «май»; букв. ‘(гусь+утка)+месяц’) и требуют дополнительного изучения (в том числе, в соотношении со словами dvandva).

Наиболее распространенным по количеству созданных слов типом основосложения в васюганском диалекте является тип *bahuvrīhi*. Если типы *tatpuruṣa* и *karmadhāraya* представляют собой имена существительные, то сложные слова *bahuvrīhi*, возникшие на базе двух первых типов или *dvigu*, функционируют как прилагательные, определяющие другое понятие. Последний член таких сложных слов всегда выражен существительным, но он принимает форму прилагательного, признаком которого является суффикс *-ав/ -яв/ -ӓв* после согласного и *-в* после гласного. Сравнение двух словосочетаний из словаря Могутаева *нярях кӓр* «босая нога» и *нярях кӓряв* «босоногий», *рывсах пял* «вислое ухо» и *рывсах пялӓв* «вислоухий» или *кӓряв нӓл* «орлиный нос» и *кӓряк нӓлав* «горбоносый» (букв. ‘орел+~носый’ или ‘орлоносый’⁴) дает наглядное представление об отличии простого атрибутивного сочетания прилагательного с существительным от композиты типа *bahuvrīhi*. При этом композита либо может сама служить определением существительного, либо субстантивироваться. Для распознавания этих двух возможностей необходим синтаксический анализ с использованием текстов, которых в моем распоряжении нет. Композиты данного типа особенно широко распространены среди названий частей тела (в том числе животных и птиц) на основе *karmadhāraya*: *ӓдлӓ нӓл-ав* (*ох-ав, семп-яв, выни-в*) «большеносый (~головый, ~глазый, ~лобый)», *вяртӓ нӓл-ав* (*ох-ав, сох-*

4 В классической работе К. Ф. Карьялайнена о религии югорских народов часто можно встретить слова, составленные по принципу *bahuvrīhi* (к сожалению, обычно приведенные в переводе), как, напр., в следующем описании нижнего мира: «Через нижний мир течет ‘душеводная река’... Река впадает в море – ‘черноводное море духов’, на этом его берегу лежит город ‘орлоногого народа’... » (Карьялайнен 1995:245).

ав) «красноносый (~головый, ~кожий)», *вянь выни-в* (*ван-ав, сем-яв*) «узколобий (~плечий, ~глазый)», *вянь кёряв* (*тур-ав, эл-ав*) «тонкорукий (~горлый, ~тельный)», *кёл вас-ав* (*сох-ав, пайлаң-ав*) «толстозадый (~кожий, ~крылый)», *охар* (или *қох*) *пял-äv* «долгоухий», *қома парк-ав* (*юл-ав*) «широкогрудый (~ротый)», *қомсах ох-ав* «пустоголовый»; (*минäh пёңк-яв*) *сапал* «клёст» (букв. 'кривоклювая синица') и множество других (в общей сложности в словаре Могутаева их зафиксировано более 150).

Особый интерес вызывает наличие слов *bahuvrīhi*, возникших на основе *dvigu*, с первым компонентом числительным. При наличии числительного *кяткян* «два» существительное оформляется в двойственном числе (-*қан*): *äй пял-äv* (*пёңк-яв*) «одноухий (~зубый)»; *кяткян кёр-қан-äv* (*кёт-қан-äv, пайлаң-қан-ав*) «двуногий (~рукий, ~крылый)»; *нялә ёяв* (*кёр-яв, ох-ав*) «четырёхпалый (~ногий, ~головый)» и т. п.

Следует добавить, что суффиксальный элемент *-ав*, прибавляемый к существительному, не встречается вне сложных слов типа *bahuvrīhi*. К сожалению, отсутствие текстов на васюганском диалекте не позволяет дать характеристику многочисленных слов данного типа с синтаксической точки зрения и определить частоту его встречаемости в языке.

Некоторые итоги.

Общую картину взаимосвязанности деривации слов и их семантики можно представить в виде таблицы, в которой знак астериска (*) при суффиксах означает, что морфемы, приведенные в ячейках таблицы, многозначны, хотя их значения, перечисленные в соответствующих разделах статьи, в таблице не отражены. Большая или меньшая интенсивность окраски клеток в таблице указывает на различия в продуктивности того или иного способа словообразования и основосложения в анализируемых тематических группах слов: наиболее темный оттенок означает максимальную продуктивность данного

Тематические группы слов		-аң
		-я*
Части тела		
Флора	Цветы	
	Ягоды	
	Кусты	
	Деревья	
	Прочие	
Фауна	Животные	
	Птицы	
	Насекомые	
	Рыбы	
	Прочие	

средства образования детельствует о мало Таблица напоминае численные сближенн чески разных полей в образования; с друго каждой из анализир гнезда как компонен случаях в большей и отличающимися друи многом зависит от се

В структурном группы слов содержа фиксами или суффи ческое значение суще новном по принципу вательное средство и

Тематические группы слов		Однокорневые производные								Композиты		
		Суффиксы				Суффиксоиды				tatpuruṣa	karmadhāraya	bahuvrīhi
		-аң -ҥ*	-али -ли -и*	-алса -са	Суффикс глагола	моқ*	нѣхы	қу, ниң	тахы			
Части тела												
Флора	Цветы											
	Ягоды											
	Кусты											
	Деревья											
	Прочие											
Фауна	Животные											
	Птицы											
	Насекомые											
	Рыбы											
	Прочие											

средства образования слов; самый слабый (ненасыщенный) оттенок свидетельствует о малом количестве случаев деривации в определенном поле. Таблица напоминает мозаику, отражающую, с одной стороны, многочисленные сближения в построении словообразовательных гнезд семантически разных полей в результате использования одних и те же средств словообразования; с другой стороны, - специфику словообразования в пределах каждой из анализируемых тематических групп. Словообразовательные гнезда как компоненты единой деривационной системы являются в одних случаях в большей или меньшей степени однородными, в других – сильно отличающимися друг от друга. Сходство и различие в построении гнезд во многом зависит от семантики слов, входящих в гнезда.

В структурном отношении исследованные лексико-семантические группы слов содержат либо однословные образования, оформленные суффиксами или суффиксоидами, происшедшими из утративших свое лексическое значение существительных, либо сложные слова, образованные в основном по принципу *tatpuruṣa* и *bahuvrīhi*. Суффиксоиды как словообразовательное средство используются во всех полях, но среди самих суффиксо-

идов нет ни одного, который встречался бы во всех семантических группах слов. Некоторые присутствуют в какой-нибудь одной группе слов, другие – в нескольких. Так, сингулятивы имеются только в поле «Флора» (да и то не во всех группах); названия детенышей с помощью десемантизированного слова *моқ* зафиксированы лишь в группах наименований животных и птиц, как и слово *нѣхы*, утрачивающее свое лексическое значение. Зато слова-оформители пола и собирательности (*ку* и *тахы* соответственно) получили наиболее широкое распространение в группах названий флоры и фауны, хотя и не во всех подгруппах (суффиксоид со значением пола есть также в тематической группе «части тела»). Сложные слова типа *bahuvrīhi* отмечены лишь среди слов, означающих части тела.

Самыми продуктивными суффиксами, образующими слова во всех трех лексико-семантических полях, оказались суффиксы *-али* и *-аң*, а из типов сложных слов – тип *tatruḡuṣa*, в уралистике обычно рассматриваемый с синтаксической точки зрения и называемый соположением. Однако степень активности всех способов и средств словообразования в различных тематических группах разная, что диктуется семантикой поля.

Зная взаимосвязанность значений слов, входящих в то или иное семантическое поле, и устройство словообразовательных гнезд, можно в случаях наличия обнаруженной твердой корреляции между ними почти безошибочно образовывать от слов, относящихся к определенной тематической группе, но не включенных по какой-то причине в словарь, производные, типичные для данной семантической группы. Подобное упорядочивание производных в пределах гнезда может проводиться путем аналогического выравнивания по формальным признакам. Пучок формальных отношений, связывающих между собой слова одного семантического поля в рамках гнезда, до известной степени позволяет прогнозировать появление новых производных в данной тематической группе, не зафиксированных в словаре.

Литература

- Барроу, Т. 1976: Санс
Дунин-Горкавич, А.
словарь наиболее
Сургутский слов
История хантыйског
тацией на западн
сийск 1998.
- Карьялайнен, К. Ф. 1
Ким, А. А.: Предисло
– Могутаев 1996.
Кононова, С. П. 1993:
Ханты-Мансийск
Лазарев, Г. И. – Аксар
(казымский диал
Лазарев, Г. И. – Аксар
(шурьшкарский
Могутаев, М. К. 1996.
Томск.
- Молданова, С. П. –
хантыйско-русск
Нёмысова, Е. А. – В
Николаева, И. А. 1995
Москва – Гамбург
Очерки 1980 = Кузнец
по селькупскому
Панченко, С. В. 2000
словаре» Н. Л. С
языке. Сб. статей
Рандымова, Е. Н. – М
Петербург.
- Скалозубов, Н. Л. 1913
Тобольской губер
ник Тобольского П

Литература

- Барроу, Т. 1976: Санскрит. М.
- Дунин-Горкавич, А. А. 1910: Русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов. Тобольск (репринтное издание: Сургутский словарь. Ч. 1. Сургут 1998).
- История хантыйского алфавита (вопросы хантыйского алфавита с ориентацией на западные диалекты). Под ред. Е. А. Нёмысовой. Ханты-Мансийск 1998.
- Карьялайнен, К. Ф. 1995: Религия югорских народов. Т. 2. Томск.
- Ким, А. А.: Предисловие к Хантыйско-русскому словарю М. К. Могутаева. – Могутаев 1996. 3–10.
- Кононова, С. П. 1993: Русско-хантыйский тематический словарь. Вып. 1–5. Ханты-Мансийск.
- Лазарев, Г. И. – Аксарина, Н. М. – Сенгепов, А. М. 1993: Хантыйский язык (казымский диалект). Санкт-Петербург.
- Лазарев, Г. И. – Аксарина, Н. М. – Сенгепов, А. М. 1993: Хантыйский язык (шурьшкарский диалект). Санкт-Петербург.
- Могутаев, М. К. 1996: Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск.
- Молданова, С. П. – Нёмысова, Е. А. – Рандымова, В. Н. 1988: Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Санкт-Петербург.
- Нёмысова, Е. А. – Вениаминова, С. С. 1992: Букварь. Санкт-Петербург.
- Николаева, И. А. 1995: Обдорский диалект хантыйского языка. (MSUA 15.) Москва – Гамбург.
- Очерки 1980 = Кузнецова, А. И. – Хелимский, Е. А. – Грушкина, Е. В.: Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. Москва 1980.
- Панченко, С. В. 2000: Хантыйские названия растений в «Ботаническом словаре» Н. Л. Скалозубова. – Финно-угорское наследие в русском языке. Сб. статей. Вып. 1. Екатеринбург. 134–142.
- Рандымова, Е. Н. – Молданова, С. П. 1994: Хятлдые (Солнышко). Санкт-Петербург.
- Скалозубов, Н. Л. 1913: Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии дикорастущих и некоторых культурных. (Ежегодник Тобольского Губернского Музея. № 21.) Тобольск.

- Скамейко, Р. Р. – Сязи, З. И. 1985: Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Санкт-Петербург.
- Соловар, В. Н. 1997: Хантые яснуп хураң словарь (Картинный словарь хантыйского языка). Санкт-Петербург.
- Терешкин, Н. И. 1961: Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. М. – Л.
- Терешкин, Н. И. 1981: Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.
- Терешкин, Н. И. – Меркулова, Р. Ф. – Каткалёва, Т. Ф. 1999: Букварь. Санкт-Петербург.
- Терешкин, Н. И. – Сподина, В. И. 1997: Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (ваховский диалект). Нижневартовск.
- Хайду, П. 1985: Уральские языки и народы. М.
- Pallas, P. S. *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa*. Bd. 1–2. St. Petersburg 1786–1789. (Neuaufl.: Hamburg 1977–1978.)
- Sauer, G. 1967: *Die Nominalbildung im Ostjakischen*. Berlin.
- Sauer, G. 1993: Zur Abgrenzung der russischen und tatarischen Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. – Hajdú Péter 70 éves. Budapest. 353–358.
- Shibasova, N. 2000: Double nouns of hyponymical type in Volgaic and Permian languages. – IFUSCO XVII, Summaria dissertationum. Tallinn. 105–106.
- Zaicz, G. 1995: *Zur Frage der uralischen Schriftsprachen*. Budapest.

„... bin ich
der Kurg

Die zweite Hälfte des
von der Tätigkeit Castri
ter den finnischugrisch
phisches Material aufg
resse dem Osten, sonde
keit an Asien und an de
war vor allem Adolf E
schungsschiff Vega: De
politischen Gründen F
hatte, gelang 1878/79 al
queren. Die Vega-Expe
und so ein mehrhunde
weltweit Aufmerksamk
herum wurde zu einem
wieder in Stockholm ei
nig und von jubelnden
denskiöld nicht nur der
war auch zum erfolgrei
scher avanciert.

In der Volksmenge
sich u. a. der junge Sven
heit erlangte und zwisch
durchführte. Er hat auch
der Rückkehr von Nord
din). Die Fokussierung